

Нолокол
Выпуск #9
Лето 2005

RUSS 150

Даниил Юрьевич

**Эмили
Вильямовна**

**Анна
Станиславовна**

**Вероника
Александровна**

Back row: Иосиф Doyle, Павел Аоки, Кузьма Clawson, Влад Salazar, Антон Boldan
Middle row: Сара Spearman, Женя Starritt, Марина Sar, Надежда Hanley, Костя Gayman,
Даниил Юрьевич, Василий Dunaravich, Гена Rossow, Иван Murrie
Front row: Саша Grunbaum, Кира Hendricks, Лариса Cartwright, Карина Springs, Наталья
Аоки

Письмо маме

Дорогая мама,

Сейчас я закончиваю первый курс русского языка в университете Вашингтона. Мне очень нравятся мои преподаватели. Я научился говорить: «У меня есть очень красивая кошка, и у меня соседи кошмарные.» По-моему, всё что я выучил очень важно!

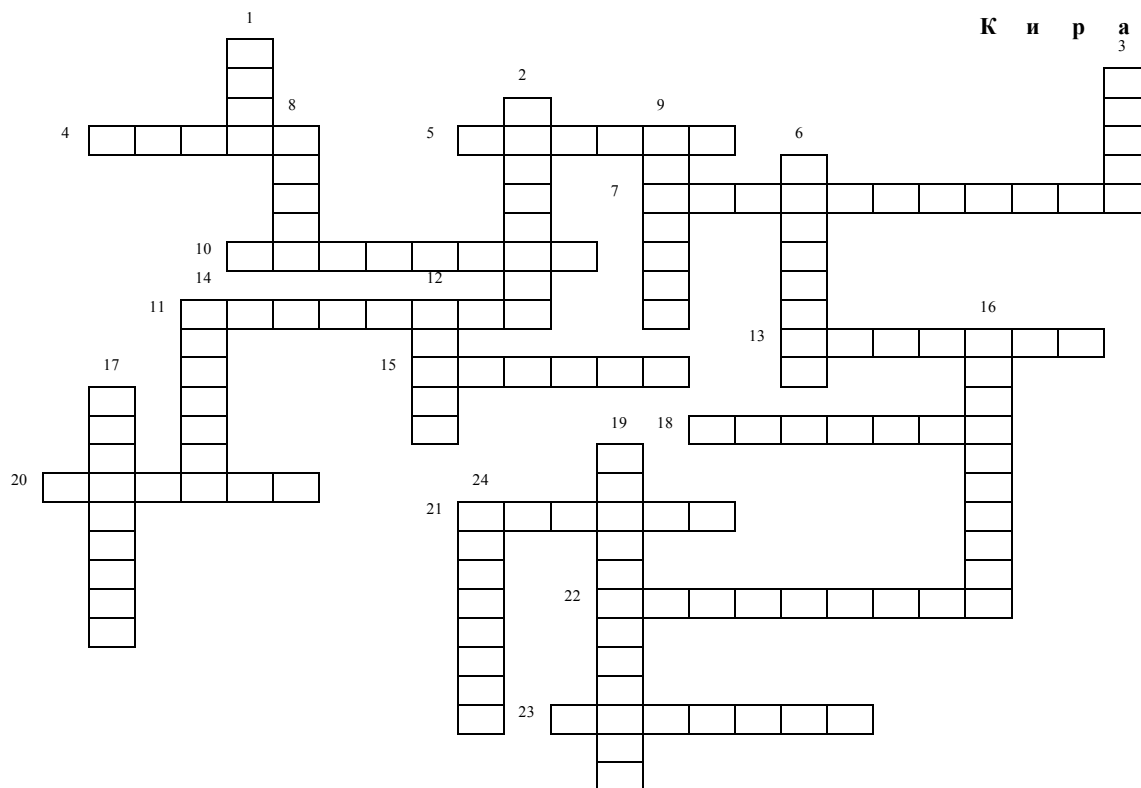
Твой Гена

Главные десять вещей, которые учителя русского языка ненавидят в первый год

Сара

1. Студенты затрудняются в словах (и = у, д = г, р = п, и так далее...).
2. Студенты забывают правила правописания (книги, хорошее, вижу и рояли).
3. Студенты не понимают разницу между «не было» и «не быть» в прошедшем времени.

4. Учителя должны объяснить правило номер тринадцать, когда студенты чего-то не понимают. (Правило номер тринадцать: Почему? Потому что).
5. Студенты не знают, когда употреблять «куда» или «где».
6. Студенты произносят слова неправильно. (Пример: баб^ушка вместо ба^бушка, колба^са вместо колбас^а).
7. Учитель затрудняется объяснить разницу между несовершенным видом глагола и совершенным.
8. Студенты всегда опаздывают!!!
9. Студенты не произносят мягкий и твёрдый знак.
10. Студенты неправильно пишут «в».

К и р а
3

Вертикаль

1. Мы думаем, что Иосифу лет тридцать (five) _____, но он не сказал нам.
2. Иван не ест мясо, но он любит есть фрукты. Ему не (like) _____ гамбургеры.
3. Сара любит (to sleep) _____ на занятии, но она всегда хорошо отвечает на вопросы.
6. Анна всегда говорит нам, «Это не русские слова, (students) _____ »
8. Василий знает (a lot) _____ языков, но я хочу знать, хорошо ли он знает русский язык.
9. Карина всегда играет со своими большими кошками дома. Может быть они с (cats) _____ будут гулять в парке.

12. Кофе Жени всегда лучше, чем мой. Он хочет принести пиво и (vodka) _____ на своё новоселье.
14. Конечно, Алексей любит говорить (of course) «_____». Он говорил это слово в каждом упражнении.
16. Гена учится на социологическом (department) _____ в университете Вашингтона. Он и его семья из Элленсбурга. И он очень загорелый.
17. Виктору нравятся словародственники. Он в оранжевых свитерах и зелёных (pullover) _____ Даже в бежевых шортах.
19. Костя из Швейцарии. Он учится в Американском

- (university) _____ там. Он обычно говорит, «Что ты хочешь?»
24. Когда Лариса готовит торты, все (dudes) _____ бегут в её дом.

Горизонталь

4. Эмили с нами смотрит новый фильм каждый вторник. Мой любимый (film) _____ «Маленькая Вера.»
5. Марина говорит очень тихо; преподаватели всегда говорят ей: «говори (loudly) _____»
7. Саше нельзя танцевать в клубе, потому что ей только (16) _____ лет. Она молодая девушка.
10. Влад говорит по-португальски и по-испански. Сейчас он будет (to speak) _____ и по-русски.
11. У Кузьмы (beautiful) _____ жена. И он работает в космосе с космонавтами.
13. У Петра есть компьютер, монитор, мышь, и копир в его офисе. Ему нужен (telephone) _____.
15. (Uncle Dan) _____ Юрьевич играет на гармони. Он очень хорошо поёт под свою гармонь.
18. Вероника....так Вероника. Вероника _____ занимается кардиоаэробикой. И она сказала (to Victor) _____, «Склоняйте хорошо.»
20. Наталья уже (well) _____ говорит по-русски. Она и её отец очень умные.

21. Каждый день езжу в университет не на (car) _____, а на автобусе.
22. Кира очень любит танцевать. Она танцует повсюду. В клубе, в школе, дома, и даже в (restaurant) _____.
23. Антон любит играть в бейсбол, смотреть бейсбол, и слушать бейсбол. Я думаю, что он будет даже есть _____.

Где Джим и Лена теперь???

Карина Спрингс

Спустя два года и много свиданий, Джим и Лена поженились в Москве. Наталья Ивановна плакала неделю после свадьбы, потому что Лена и Джим уезжали в Америку. Но Наталья Ивановна была счастлива, когда родилась её внучка. Теперь у Джима и Лены шесть детей. Они живут в Бостоне, где живут и родители Джима. Джим работает в университете. Он профессор на историческом факультете и любит говорить о русском языке и литературе. Каждый день Наталья Ивановна звонит Лене по телефону и говорит с ней три часа. Скоро Наталья Ивановна и Сергей Петрович поедут в Америку, увидят Джима и Лену, всех их детей и шесть кошек.

Когда Вы в России!

Иосиф

Я из Вашингтона и я очень люблю наш большой и красивый штат. Но, когда я в России, я не могу говорить, что я из Вашингтона. Люди в России думают только о Вашингтоне-столице, где находится белый дом. Поэтому, когда я в России, мне надо говорить, что я из штата Вашингтон, а не из столицы!

Туристы очень любят «Мастера и Маргариту»

Мара Сар

1. На Малой Бронной улице – Патриаршие пруды. Роман «Мастер и Маргарита» начинается здесь, когда Воланд приезжает в Москву.
2. Нехорошая квартира номер пятьдесят на карте между театром «Варьете» и Патриаршими прудами. Она на Садовой улице, и правда, Булгаков жил здесь в доме десять, кв. 50.
3. «Дом Грибоедова» находится на бульварном кольце. «Дом Грибоедова» - очень хороший ресторан. На карте он между Никитскими воротами и Пушкинской площадью.
4. Сейчас здесь Российская Государственная библиотека, но старое название – Дом Пашкова. В романе это самый красивый дом в старой Москве.
5. На Тверской улице – старое название у лица Горького –

Мастер и Маргарита познакомились, и он сказал, что ему не нравятся жёлтые цветы.

6. Здесь Арбат. Маргарита летала над Арбатом на щётке.

Силины едут в Сиэтл

Надя

Вова: Ура! Наконец, мы приехали в Сиэтл!

Нат. Ив: Ура? Здесь идёт дождь!

Лена: Смотрите, какие большие дома!

Нат. Ив.: Как большие? Очень грязный город!

Серг. Пет.: Как грязный? Молчать, женщина! И чтобы не жаловаться.

Вова: Мама, я голодный. Давайте пойдём в универсам!

Нат. Ив: Да, а где универсам?

Серг. Пет.: Я спрошу у кого-нибудь. Я очень хорошо говорю по-английски.

(to passerby)

Эксуз ми, ду ю но уер из гросери стор?

Passerby: Да и я тоже говорю по-русски. Мы с женой из Москвы. Универсам недалеко - т олько пять минут ходьбы – налево.

Серг. Пет.: Спасибо большое!

-Они гуляют-

Продавец: Слушаю вас! Чем я могу вам помочь?

Нат. Ив: (to Серг. Пет): Что она хочет? Деньги?

Лена: Нет, мама. В Америке люди симпатичные.

Нат. Ив: Гмम्म....

Серг. Пет: Что за чёрт?! Где все продавцы? Почему вся бакалея не за прилавками?

Нат. Ив: Я не знаю...

Вова: Может быть, у них здесь нет прилавка. Может быть, мы сможем купить всё быстрее, чем в России.

Нат. Ив: Какая интересная система...

Серг. Пет: Я не понимаю! Это кошмар! Какая плохая система! Давайте пойдём в ресторан сейчас! В русский ресторан! Я видел русский ресторан недалеко от сюда.

-Они идут в "My Favorite Piroshky"-

Официант: Вы готовы?

Серг. Пет: Да, мы хотим картофельный салат и три пирожных, пожалуйста.

Официант: (gives them their food) Да, вот, пожалуйста. (walks away)

Нат. Ив: Какой ужас! Отвратительно!

Серг. Пет: Да. Может быть, ты права. Давайте пойдём в наш отель.

Нат. Ив: Какой роковой город...

- Они идут в отель-

(Серг. Пет. Presses the button for the lift)

Серг. Пет: Лифт работает?! Не может быть! Двери открываются? Какой хороший отель! Как ты думаешь?

Нат. Ив: Да, по-моему отличный отель. А Сиэтл - замечательный город.

Серг. Пет, Лена и Вова: Ура!!

RUSS 250

First row: Courtney (Свѣта) Bonner, Alana (Аляна) Whitehead, Elisa (Алуца) Thornton, Geoffrey (Григорий) Reynolds, Patrick (Павел) Berkshire, Sofiya (София) Yuzefpolskaya
Second row: Nataliya (Намаша) Kozodoy, Peter (Дума) Daniell, Liam (Илья) Cooper, Stefan (Стивен) Barnes

Дума Даниелл

Мне нужно было бежать днем. Конечно, мне нужно было выспаться. К сожалению, я проспал и никто меня не разбудил. Все кричали, но я спал. Потом они поместили в моей комнате льва. Он заревел, и я быстро встал. Лев хотел меня съесть, и я убежал прочь. Я не опоздал на соревнование по бегу. Я устал и был в отчаянии, потому что лев ждал меня в моей комнате и я пришел последним на соревновании. После бега я вспомнил, что потерял свой бумажник в своей комнате. У льва была моя кредитная карточка и он купил дорогое мясо по интернету!

Алена Виетхеад

Вот история моего кота Сахара. У Сахара было много приключений. Когда он был молодой, мы жили в горах, которые он очень любил исследовать. Он часто уходил надолго из дома в глушь, иногда на четыре или пять месяцев. Когда это случалось, моя семья очень беспокоилась. Но он всегда возвращался, немного дикий и очень голодный.

Однажды в августе моя семья уехала в отпуск на десять дней. Бабушка должна была кормить кошек. Но Сахара там не

оказалось. Мы все подумали, что он опять ушел в глушь. Но когда мы вернулись, послышалось слабое мяуканье с чердака! Какой ужас! Это был Сахар – закрыт по ошибке на чердаке на десять дней, без еды и воды, в очень жаркую погоду, но все еще живой.

Через несколько лет семья переехала в другой штат. Нам надо было повезти кошек в новый дом через большую глушь. По пути мы остановились, чтобы кошки сходили в туалет. Но Сахару было так страшно, что он вырвался и побежал быстро в лес. Я сразу сочла его погибшим. Но моя младшая сестра не теряла надежды и побежала в лес, чтобы найти кота, который прятался в полом бревне.

Сейчас Сахару пятнадцать лет. Он добродушный и остается дома. Но он все еще здоровый и живой, и любит играть и бегать по дому.

Павел Беркшире

Однажды я пошел в кущу. Светило солнце. Вдруг я увидел Мартышку и Слопенка. Они страшно ссорились. Тогда я спросил: «Что случилось?» Мартышка сказала: «Меня ограбили!!! У меня украли мое «пожалуйста» и оно у Слопенка!!» Но Слопенка сказал: «Мне обидно, я ничего не знаю о «пожалуйста». Она врушка.» Тогда я спросил: «Мартышка, зачем тебе нужно «пожалуйста?» Мартышка ответила: «Потому что я хочу его и я хочу есть.» Я рассмеялся: «Ты не можешь съесть «пожалуйста». Его можно только чувствовать. Вместо «пожалуйста» ты можешь съесть мой банан!» Она сказала: «Конечно!» и мы все стали играть в цветах.

Объявление

Илья Купер

На прошлой неделе около скотобойни у меня потерялась собака! Большая, старая, желтая собака. Ее зовут Рекс, но она глухая и не откликается на это имя. Она мочится в доме, копается в саду и убегает от меня, когда мы гуляем в парке. Если вы ее найдете, дам награду в 50 долларов, если вы мне ее не вернете.

RUSS 350

Back row: Alex Hoff, Lindsey Arnold, Zoya Polack, Rachel King
Front row: Kristy Lam, Allison Borthwick, Brian French

Под яркими звёздами

Пётр Проскурин

Северная полночь подкралась неслышно и мягко. Николай Иванович взглянул на часы и задумался. В этот момент дверь стремительно распахнулась.

Поправив очки, Николай Иванович с удивлением оглядел ввалившегося в комнату молодого великана в полушубке. Слегка приподнявшись с уютного кресла, спросил:

— Чем обязан, молодой человек?

Спрашивая, Николай Иванович ясно представил себе ночь, из которой пришёл незнакомец. Тот шагнул от двери.

— Вы – Аксёнов? Доктор Аксёнов?

Он сильно волновался – забыл даже поздороваться, и хозяин посмотрел на пришедшего более внимательно. И опять его поразила могучая фигура незнакомца. Доктор очень любил рослых, сильных людей, любил красивое человеческое тело. Залюбовавшись

The northern midnight crept up silently, softly. Nikolai Ivanovich glanced at the clock and reflected. At that moment the door was hurled open.

Having adjusted his glasses, Nikolai Ivanovich looked with astonishment at the young giant in a sheepskin coat who had thundered into the room. Having risen slightly from his comfortable armchair, he asked,

“How can I help you, young man?”

As he asked, Nikolai Ivanovich pictured to himself the night from which the stranger had come. The latter stepped away from the door.

“Are you Aksyonov? Doctor Aksyonov?”

He was quite agitated, even forgetting to introduce himself, and his host looked at the newcomer more carefully. Again he was struck by the powerful figure of the stranger. The doctor really liked husky, strong people, liked beautiful human body. Having admired

пришедшим, он переспросил:

— Доктор? Возможно... Впрочем, доктором я перестал быть очень давно, с тех пор, как ушёл на пенсию. Сейчас я...

— Доктор... вы должны помочь, доктор. Я – Серёгин – с метеостанции... Понимаете, она только сегодня приехала... Такое несчастье... Вышли на лыжах – и на сук. Пробита грудь, правая сторона. Без памяти... По тропинке её не снести... Вы должны пойти со мной, доктор...

Серёгин старался говорить спокойно, но это ему плохо удавалось. На лбу выступил пот, щёки горели.

Перед Николаем Ивановичем мелькнул одинокий домик метеостанции, заброшенный под самые небеса. Николай Иванович молчал. Годы, старое, изношенное сердце... О чём тут можно говорить. Серёгин, поняв его без слов, упавшим голосом произнёс:

— Только вы можете помочь, доктор... О вас рассказывают чудеса. Поймите! – неожиданно повысил он голос почти до крика. – Это же – она!

Последнее было произнесено так, что у доктора чаще забилось сердце.

— Она? – переспросил Николай Иванович, думая о том, где у него может быть чемоданчик с хирургическими инструментами. Серёгин, как эхо, отозвался:

— Она, доктор... Настенька...

— Гм... И всё же, молодой человек, не теряя времени, обратитесь к хирургу Поприщенко. Он от меня через два дома... А мне не добраться...

Встретив взгляд парня, Николай Иванович замолчал. Он вдруг понял, что тот ему не верит, не может верить, не хочет верить. Ведь там была – она, а он – прославленный хирург, и в глазах парня светилась беспредельная вера. Или от этого парня, или из глубины прошлого пахнуло на него просторами тайги, молодостью, снегами, тем временем, когда мчался он на собачьей или на оленьей упряжке за двести и больше километров по первому зову, мчался в кочевья на приски, на рудники, в леспромхозы. И он вдруг поймал себя на том, что ему очень хочется пойти с этим молодым упрямым, пойти, чтобы опять вдыхать загустевший от мороза воздух, и, волнуясь, спешить, спешить, спешить. Вновь чувствовать ответственность за чью-то жизнь...

Глядел он при этом мимо Серёгина, и тот, теряя надежду, уже готов был закричать на хозяина. Но в этот момент Николай Иванович сказал:

— Дуй к Поприщенко, скажи, что Аксёнов просит его прийти... Захватить всё нужное для операции в грудной полости и прийти. Сестру пусть прихватит... Ну, ну, – сердито добавил он. – Я же сказал, что иду...

— Доктор.

— Не разговаривать! Марш! Марш! – прикрикнул он, вспоминая военное время и радуясь необычному приливу сил и бодрости. – Марш! – с удовольствием

the newcomer, he again asked,

“The doctor. It’s possible. Though I stopped being a doctor a very long time ago, since I retired. Now I...”

“Doctor...you have to help, Doctor. I’m Seryogin, from the meteorological station. You understand, she just arrived today. Such a disaster. We set off on skis...and a branch. Her chest is crushed, the right side. She’s unconscious. It’s impossible to carry her down the trail. You must come with me, Doctor...”

Seryogin tried to speak calmly, but he was unsuccessful. Sweat appeared on his forehead; his cheeks burned.

The solitary little weather station, abandoned under the very heavens, flashed before Nikolai Ivanovich. Nikolai Ivanovich was silent. He had an old, aged, worn-out heart... What can one say? Seryogin, having understood him without words, uttered in a falling voice,

“Only you can help, Doctor... They say you can work miracles. Understand,” he unexpectedly raised his voice to almost a shout, “it’s her!”

This last was pronounced in such a fashion that the doctor’s heart began beating faster.

“Her?” repeated Nikolai Ivanovich, thinking about where the case that held all his surgical instruments could be. Seryogin, like an echo, replied,

“Her, Doctor...Nastenka...”

“Hmm... Yet nevertheless, young man, in the interest of not wasting time, go to the surgeon Poprishenko. He’s two houses down from me... I can’t make it there...”

Having met the young man’s gaze, Nikolai Ivanovich became silent. He suddenly understood that the man didn’t believe him, couldn’t believe, didn’t want to believe. After all, there she was, while he was a renowned surgeon, and in the eyes of the young man shone an limitless faith. Either from that young man or from the depths of his past came the smells of the taiga’s expanses, his youth, the snow...of that time when, at the first call, he would speed along, driven by teams of dogs or reindeer, for 200 or more kilometers. He would speed along to the mining camps, to the mine pits, and to the logging camps... And he suddenly caught himself wanting to go with the young, stubborn man, in order to breathe the air thick with frost and, worrying, to hurry, hurry, hurry. Once more to feel responsible for another’s life...

He stared past Seryogin who, losing hope, was already prepared to start shouting at his host. But at that moment Nikolai Ivanovich said,

“Run to Poprishenko for all you’re worth, say that Aksyonov wants him to come... Grab everything necessary for an operation of the chest cavity and come. Tell him to bring a nurse... Well, well,” he angrily added, “I said I’m go...”

“Doctor.”

“Don’t talk! March! March!” he shouted, recalling wartime and rejoicing at his unusual surge of strength and courage. “March!” he repeated with pleasure.

повторил он.

Хлопнула дверь; Николай Иванович стал быстро ходить по комнате, отыскивая нужные вещи. На некоторое время его опять охватило сомнение – остановившись у окна, он стал сосредоточенно рассматривать морозные узоры. Рассматривал и старался заставить себя думать о другом, хотя знал точно, что на метеостанцию пойдёт. Это была потребность, похожая на жажду. Ожидание лишь усиливало это чувство, и, когда, наконец вернулся Серёгин в сопровождении Поприщенко и студентки-практикантки, Николай Иванович проворчал, что люди совершенно разучились волноваться и торопиться.

Они вышли из посёлка и стали подниматься в сопку. Время перевалило за полночь. В посёлке гасли огни. Но звёзды от мороза разгорались всё ярче и начинали излучать синеватое сияние. Тишина стояла такая, словно всю эту местность с тайгой и посёлками накрыл ледяной колокол, расцвеченный звёздами.

Подъём становился всё круче и труднее. А Серёгин шёл очень быстро. Тщетно стараясь не отстать, Николай Иванович хотел было попросить, чтобы шли потише, но поскользнулся и упал. Серёгин приподнял Николая Ивановича с земли и, как ребёнка, поставил на ноги.

— Давайте я вас понесу, доктор, — растерянно предложил он. — Быстрее будет. Мне ведь ничего это не стоит...

Несмотря на серьёзность положения, все засмеялись. Эта невольная передышка помогла Николаю Ивановичу слегка отдышаться. Дальше ему пришлось идти, опираясь на Серёгина.

Незаметно для себя Николай Иванович ускорил шаг. Мигавшие звёзды, казалось, торопили, а снег под ногами насмешливо скрипел:

«Зря... зр-ря... зр-ря...»

Он опять начинал задыхаться и знал: если не отдохнуть...

Едва он подумал об этом, потемнело в глазах, и очередной шаг он сделал через силу. Но, очевидно, это усилие помогло, и вместо того, чтобы упасть, он продолжал идти, и даже дышать ему стало легче. Мысли вернулись к тому далёкому времени, когда в стране бушевала гражданская война и он, молодой, тридцатилетний врач, оперировал и красных, и белых: дело было в Киеве, в госпитале. Тогда он мог работать сутками и больше. Были силы, большие планы. Давно бы можно стать академиком, а вот не стал...

Николай Иванович помнил множество людей, которых оперировал, и в памяти замелькали десятки лиц. Вспомнился и первый пациент — мальчик десяти лет — Володя. Случай лёгкий — аппендицит, но это была первая самостоятельная операция... Да, был ты и остался **на земле** беспокойным часовым, спал в один глаз, вскакивал по первому зову и шёл, как сейчас, в ночь, в бураны и слякоть. Всё-таки интересная штука — жизнь! Тревога за неё стала твоей второй сущностью, даже возраст и пришедший вместе с ним

The door slammed; Nikolai Ivanovich began to quickly walk around the room, searching for the necessary things. For a time he was again full of doubt. Having stopped by the window, he began to examine the frost patterns intently. He examined and tried to force himself to think about other things, although he knew for sure that he would go to the meteorological station. It was a need resembling thirst. Expectation only intensified this feeling; and when, finally, Seryogin returned, accompanied by Poprishenko and a trained medical student, Nikolai Ivanovich growled that people had entirely forgotten how to worry and hurry.

They left the small village and began ascending the hill. It was after midnight. In the village the lights had been extinguished. But because of the frost the stars flared brighter and were beginning to shine with a bluish light. The silence was such, as though an icy bell covered the entire region of taiga and villages, embroidered with stars.

The ascent became steeper and harder. But Seryogin was going very fast. Vainly trying not to fall behind, Nikolai Ivanovich wanted to request that they go slower, but he slipped and fell. Seryogin raised Nikolai Ivanovich from the ground and, like a child, set him on his feet.

“Let me carry you, Doctor,” he proposed, perplexed. “It will be faster. It’s nothing for me...”

Despite the seriousness of the situation, everyone began to laugh. The involuntary respite helped Nikolai Ivanovich to catch his breath slightly. To go further he was forced to lean on Seryogin.

Unnoticeable to himself, Nikolai Ivanovich quickened his pace. The twinkling stars, it seemed, hurried, and the snow under their feet mockingly squeaked,

“In vain, in va-in, in va-in.”

He again started to gasp and knew that if he didn’t rest...

He’d scarcely had this thought when his vision blurred and he had to force himself to take the next step. But evidently this effort helped and instead of falling he continued to walk, and his breathing even became easier. His thoughts returned to that distant time when civil war raged and he, a young 30-year-old doctor, operated on soldiers from both the red and white armies. This was in Kiev, in a hospital. Back then he could work for days or more at a time. He had strength and big plans. A long time ago he could have become an academic, but he didn’t...

Nikolai Ivanovich recalled many of the people on whom he’d operated. Dozens of faces began to flash in his memory. His first patient, Volodya, a 10-year-old boy, came to mind. It was an easy case, appendicitis, but it was his first solo operation... Yes, there you were and remained a restless sentinel, slept with one eye open, jumped at the first call and went, like now, at night, into blizzards and slush. Nonetheless, life’s an interesting business. Anxiety about it became your second essence. Even age and experience that came

опыт не изгладил остроты этого чувства. Вот и сейчас... Чем ближе цель, тем тревожнее становится...

От засыпанного снегом домика метеостанции к ним метнулась большая чёрная собака.

— Пошёл вон, Цыган, — отмахнулся Серёгин. — Не мешай...

Николай Иванович уже не сдерживал парня; наоборот, теперь он сам не мог подавить волнения. И во время осмотра лежавшей без сознания девушки и готовясь к операции. Но это было особое волнение. Оно исчезло, когда хирург почувствовал в руке скальпель: пальцы ещё не утратили гибкости. Готовясь сделать разрез, он вдруг увидел Серёгина — раньше почему-то не замечал. Их взгляды встретились. Улыбнувшись глазами, хирург сказал:

— Иди и будь спокоен. Пройдёт месяц и — можете играть свадьбу. Иди...

Часа через три в домике метеостанции наступила тишина. Даже Серёгин, сидевший у изголовья больной с тех пор, как окончилась операция, задремал, неловко опустив большую красивую голову. Но сам Николай Иванович, устроившийся в этой же комнате, на диванчике, никак не мог сомкнуть глаз. Сказалось напряжение последних часов: где-то возле сердца начинало ныть — первый признак близившегося приступа. Хирург покачал головой: ох, уж это сердце...

Он сунул руку в карман: в спешке он, кажется, забыл флакончик, с которым никогда не расставался.

Медленно, стараясь успокоиться, хирург стал ощупывать один карман за другим, но с необыкновенной ясностью вдруг вспомнил, что видел флакончик на этажерке перед самым уходом, видел...

В следующую минуту он хотел кого-нибудь позвать, но понял, что уже никто и ничто ему не поможет. И сразу же он увидел ледяной купол, усеянный крупными и острыми звёздами. Ещё он успел подумать о том, что забыл, как называется лекарство.

— Забыл... Забыл.

Потом перед ним сверкнул яркий огненный след. Сорвалась звёздочка с тихим шелестящим звоном. И в то же самое мгновение проснулся Серёгин, поднял взлохмаченную голову и огляделся. Стояла тишина. Николай Иванович по-прежнему сидел, уронив голову на грудь, из другой комнаты доносился здоровый храп Поприщенко.

Разметав волосы на подушке, Настенька спокойно и ровно дышала. Серёгин осторожно взял её руку — рука была нежной и тёплой.

— Живая...

Скоро должен был наступить рассвет, но пока в тёмном бархате неба ярко сияли бесчисленные звёзды. Гореть им, не сгорая, — вечно.

with it didn't erase the poignancy of this feeling. As for now... The closer your goal, the more alarming it becomes...

From the meteorological station's small house, covered with snow, rushed a large, black dog.

"Away with you, Gypsy," Seryogin dismissed the dog. "Don't bother us."

Nikolai Ivanovich no longer held the youth back. On the contrary, he himself could now not suppress his agitation. Either while examining the young woman who lay unconscious or while preparing for the operation. But this was a different anxiety. It disappeared when the surgeon felt the scalpel in his hand; his fingers had not lost any of their suppleness. Preparing to make the incision, he suddenly saw Seryogin, whom he for some reason hadn't noticed earlier. Their glances met. With smiling eyes the surgeon said,

"Go, don't worry. A month will go by and you'll be able to celebrate your wedding. Go..."

About three hours later silence had settled over the meteorological station. Even Seryogin, who had been sitting by the patient's head since the operation concluded, had dozed off, his big, handsome head lowered awkwardly. But Nikolai Ivanovich himself, who had settled in the very same room, on the little couch, just couldn't close his eyes. As a result of the tension of the previous hours somewhere near his heart an aching had begun, the first sign of an impending attack. The surgeon shook his head, "Oh, this heart..."

He slipped his hand in his pocket. In his haste it seemed that he had forgotten his medicine bottle, with which he never parted.

Slowly, trying to calm himself down, the surgeon began to feel one pocket after another, but with unusual clarity suddenly remembered that he had seen the medicine bottle on the shelves right before he'd left, he'd seen..

In the next minute he wanted to call someone, but he understood that nobody and nothing could help him. And right away he saw the icy dome dotted with large, painted stars. He still had time to think about the fact that he'd forgotten the name of the medicine...

He'd forgotten...forgotten...

Then a bright, fiery track flashed before him. A shooting star fell with a quiet rustling sound. And in that same instant Seryogin awoke, raised his bushy head and looked around. Silence reigned. Nikolai Ivanovich sat as before, his head dropped to his chest. From the other room came Popriщенко's healthy snore.

Her hair spread across the pillow, Nastya breathed quietly and evenly. Seryogin cautiously took her hand; her hand was soft and warm.

"Alive..."

The sun was due to rise soon, but for now innumerable stars shone in the dark velvet of the sky. They burned, not dying out - eternally.

Когда я говорю, что изучаю русский язык летом, люди спрашивают, почему. Иногда я задаю себе этот вопрос. Почему? Мне нравятся студенты, которые учатся летом. Они хорошие, и ходят на занятия каждый день. И мне особенно нравится наш профессор, Зоя Михайловна. Она научила меня читать русскую литературу, и за это я ей очень благодарна.

Линдзи

Этим летом русская программа была прекрасная. Прекрасная учительница, прекрасные студенты, и прекрасная погода на улице – но мы всегда учились русскому языку внутри, поэтому мы никогда не видели солнца.

Райчел Кинг

Я выучила что-то важное: маленький стакан из Старбакса может оказаться полезным для чего-то большего, чем кофе.

Александра Гофф

Мои родители и друзья – все спрашивают меня, почему я изучаю русский язык. Они думают, что это очень странно. Они удивляются, когда я говорю, что мне очень нравится русский язык, это романтический и красивый язык.

Кристи Лам

Несмотря на то, что надо было рано вставать каждый день, и почти каждый день я опозывал, я много выучил.

Миша

Я думаю, что русская программа летом очень трудная, но это стоит того. Я научилась многому. Мне нравятся русский язык и культура. Это было весело в таком маленьком классе.

Аллисон Бортвик

CZECH 401-402-403

Back row: Karel Reidy, Petr Kobylarz, Šúrka Guio, Jana Becker, Jara Soldanova
Front row: Růženka Bodien, AniČka Glazkova, Michal Hawkins

Česká přísloví (vybral Brandon M. Hawkins)

"Kdo nepracuje, ať nejí" (He who doesn't work, doesn't deserve to eat)

"Hlad je nejlepší kuchař" (Hunger is the best cook)

"Jak si kdo ustele, tak si lehne" (If you make your bed, you have to lie in it)

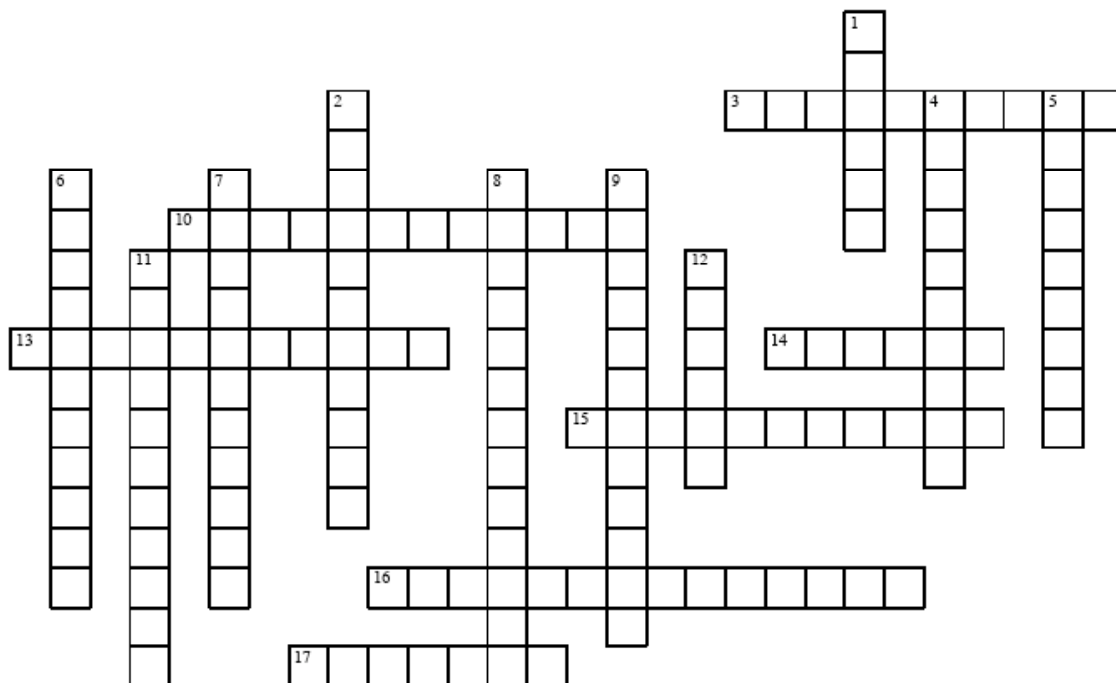
"Dobrý přítel nad zlato" (A good friend is better than gold)

"Co můžeš udělat dnes, neodkládej na zítra" (What you can finish today, don't postpone to tomorrow)

"Ranní ptáče dál doskáče" (The early bird gets the worm)

Křížovka

(Autor – Jill Becker)

Svisle

1. Český kazatel a reformátor církve zač. 15. stol.
2. Český režisér, který získal Oscara za film „Amadeus“
4. Český spisovatel a dramatik, který ve své hře užil slova „robot“
5. Populární český zpěvák, mnohonásobný vítěz soutěže „Zlatý slavík“
6. První prezident samostatné České republiky
7. Který bájeslovný vůdce přivedl první Slovany k hoře Říp
8. Český skladatel 19. stol., autor symfonie „Z Nového světa“
9. Který český umělec je nazýván otcem art nouveau
11. Český král a římský císař, který dal postavit v Praze kamenný most
12. Slavná kněžna české mythologie.

Vodorovně

3. Spisovatel, který bydlel ve Zlaté uličce v Praze
10. Otec moderní genetiky
13. Česká tenistka, která vyhrála 6x Wimbledon
14. Slavný Přemyslovec, který se stal svatým patronem země české
15. Slavný moravský skladatel konce 19. stol. a zač. 20. stol.
16. Český hudební skladatel 19. stol., autor národních oper
17. Významný historik a politik 19. stol.

Oh Susanna

G
It rained all night the day I left
D7
The weather it was dry
G
The sun so hot, I froze to death
D7 **G**
Susanna, don't you cry

C
Oh, Susanna,
G **D7**
Oh don't you cry for me
G
For I come from Alabama
D7 **G**
With my banjo on my knee

Take Me Out to the Ballgame

D **A**
Take me out to the ball game,
D **A7**
Take me out with the crowd.
B7 **Em**
Buy me some peanuts and Crackerjacks,
E7 **A7**
I don't care if I never get back,
D **A7**
For it's root, root, root for the home
team,
D7 **G**
If they don't win, it's a shame.
A#7 **D**
For it's one, two, three strikes, you're
out,
E7 **A7** **D**
At the old ball game.

O' Zuzano

G
V ten den, kdy odjížděl jsem v dál
D7
celou noc přšelo,
G
a horké slunce páliło
D7 **G**
zmrznul jsem, Zuzano.

C
O' Zuzano,
G **D7**
Neplač už vic pro mě,
G
Vracím se z Alabamy sem
D7 **G**
S bendžem na koleně.

Vem mě s sebou na baseball

D **A**
Vem mě s sebou na baseball,
D **A7**
vem mě s sebou na hru,
B7 **Em**
kup mi buráky, kukuřici.
E7 **A7**
Je mi jedno, co se stane pak,
D **A7**
jen když budu moct fandit našim.
D7 **G**
Hanba jim, když prohrají,
A#7 **D**
raz, dva, tři strajky chybějí
E7 **A7** **D**
náš zápas vy - hrát.

Czech "Friends"

Anička Glazkova / Анна Глазкова

napít se [napit se] to take a sip	напиться [napitsa] to get drunk, wasted	zákusek (m.) [zakusek] sweet, pastry	закуска (f.) [zakuska] snack, hors d'oeuvre
chytrý muž [khitry muzh] smart, clever man	хитрый муж cunning husband	žádný none, no	жадный [zhadny] greedy
krásný život beautiful life	красный живот [krasny zhivot] red belly	vzadu in the back	в задѹ [v zadu] in the butt
dělat úkol to do a task/homework	делать укол [delat ukol] to give an injection	matka mother	матка [matka] uterus; queen bee
zapomínat to forget	запоминать [zapominat] to memorize	lehat si [lehat si] to lie down	лягаться [ligatsa] to kick
potřebovat to need	потребовать [potrebovat] to demand	klíč key	ключ [klich] a call, cry, yell
rodina family	родина [rodina] motherland	rychle [rykhle] quickly, fast	рыхло [rykhla] crumbly, loose, mellow
pozor attention	позор [pozor] shame, disgrace	prázdný empty	праздный [prazny] idle, living a life of idleness
socha statue	соха [sokha] plough	banka a bank	банка [banka] a jar, can
žízeň thirst	жизнь [zhizen'] life	přestávka [prestařka] a break, pause	приставка [pristařka] prefix
kalhoty [kalhoty] pants, trousers	колготы [kolgoty] pantyhose	přijemný [prijemny] pleasant	приёмный [prijomny] adopted
kopec a hill	копец [kopets] slang: the end; death	zákazník a customer	заказник [zakaznik] wildlife sanctuary
mrak cloud	мрак [mrak] darkness	starost worry, concern	старость [starost] old age
zahýbat to turn (round the corner)	загибать [zagibat] to bend, fold	pitomec idiot	питомец [pitomets] nursling, pupil

Scenes from Prague
by Charles Reidy

Hradčany Night

